

А. А. ТОРТИКА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕГЕНДЫ
О ПЕРЕПРАВЕ ГУННОВ ЧЕРЕЗ БОСФОР КИММЕРИЙСКИЙ

В исторических произведениях целого ряда авторов второй половины V-VI вв. содержится легенда о переправе гуннов (киммерийцев, кутригуров и утигуров) через Керченский пролив. В очень сходной форме ее воспроизводят Еремий Созомен¹ (в 444 г.), Зосим² (после 450 г.), Иордан³ (в 551 г.), Прокопий Кесарийский⁴ (в 554 г.) и Агафий Миренейский⁵ (70-80-е гг. VI в.). Все они с большей

¹ А.Н.Айбабин отвечает, что «Еремий Созомен в написанном в 444 г. труде рассказал о погоне за быком или ланью, в ходе которой гунны во время правления Валента вышли на берег озера (Меотиды), переправились через него и напали на готов. В его тексте Босфор не упомянут» [Айбабин 1999, с. 56]. Е.Ч.Суржинская в комментарии 386 к Иордану сообщает о том, что «...у Созомена говорится, что путь, указанный оленем, был слегка прикрыт сверху водой» [Иордан 1997, с. 272].

² «...Императору Валенту представились с разных сторон многие войны... При таком положении дел на жившие выше Истра скифские племена напало некое варварское племя, раньше неизвестное и тогда внезапно появившееся. Их называли унами... Я нашел и такое известие, что Киммерийский Босфор, занесенный илом из Танаиса, дал им возможность перейти сухим путем из Азии в Европу. Явившись вместе с конями, женами, детьми и всем имуществом, они напали на живущих выше Истра скифов...» [Латышев 1948, № 4, с. 282-283].

³ «...Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Меотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлял указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Меотийское озеро, которое [до тех пор] считали не переходимым как море. Лишь только перед ними, ничто не выдающими, показалась скифская земля, олень исчез... Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который они узнали, следуя указанию оленя. Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они перешли огромное озеро, то, подобно некоему урагану племен - захватили там алпидзуров, алпидзуров, итикаргов...» [Иордан 1997, с. 85].

⁴ «...По их рассказам [т.е. по рассказам готов - К.], если только это предание правильно, однажды несколько юношей киммерийцев, предаваясь охоте с охотничьими собаками, гнали лань; она, убежденная от них, бросилась в эти воды. Юноши из-за честолюбия ли, или охваченные азартом, или их побуждала к этому какая-то таинственная воля божества, последовали за этой ланью и не отставали от нее, пока вместе с ней они не достигли противоположного берега. Тут преследуемое ими животное (кто может сказать, что это было такое?) тотчас же исчезло...; но юноши, потерпев неудачу в охоте, нашли для себя неожиданную возможность для новых битв и добычи. Вернувшись возможно скорее в отеческие пределы, они тотчас же поставили всех киммерийцев в известность, что для них эти воды вполне проходимы. И вот, взявшись тотчас же всем народом за оружие, они перешли без замедления «Болото» и оказались на противоположном материке... И вот киммерийцы, внезапно напад на живших на этих равнинах готов, многих из них перебили, остальных же обратили в бегство...» [Прокопий из Кесарии 1950, с. 384-387].

⁵ «Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за

или меньшей степенью подробности и точностью деталей говорят о том, что некий бык преследуемый оводом (Созомен) или олень (лань), преследуемый охотниками (юношами) - гуннами (киммерийцами, кутригурами и утигурами) (Иордан, Прокопий, Агафий), перешли Киммерийский Босфор и указали, таким образом, на возможность бродовой переправы через эту, считавшуюся непреодолимой, водную преграду. Гунны воспользовались этой информацией, форсировали пролив и разгромили готов, застигнутых врасплох в результате такого неожиданного нападения. При помощи этой легенды наши авторы объясняют: а) вообще появление гуннов в Европе; б) в частности, проникновение их отрядов на готские территории в Приазовье, Причерноморье и Крыму, разгром готов и дальнейшее продвижение сначала вестготов, а потом и гуннов вместе с остготами к Дунаю, к границам Римской империи; г) появление в Восточной Европе и расселение на занимаемых ими в VI в. территориях протоболгарских племен кутригуров и утигуров, а так же место расположения готов-тетракситов. Следует отметить, что почти все названные авторы (кроме Созомена) указывают на переправу именно через Босфор Киммерийский (устье Меотиды) и настаивают именно на бродовом способе переправы. Никто из них, как ни странно, не говорит о возможности переправы по льду, в то же время именно ледовые переправы были достаточно обычным явлением во времена от Геродота⁶ до Страбона⁷, подобная переправа стала возможна и в VIII в. (точнее в 763 г.), о чем пишут Феофан Исповедник и Патриарх Никифор⁸. Русский князь Глеб в 1068 г. измерил по льду ширину Керченского пролива между Керчью и Тмутараканью [Геология шельфа 1981, с. 9].

Очевидно, что указанное сообщение названных выше позднеантичных-ранневизантийских авторов неоднократно обсуждалось в научной литературе. В частности, в связи с этой легендой, Ю.А.Кулаковский отмечал, что если через Босфор и переправлялись какие-то гунны, то только их небольшая часть. Основной же путь экспансии гуннов, по его мнению, основанному на данных

Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались кутригурами, другие - утигурами, некоторые - ультигурами, прочие вургундами. Спустя много столетий они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением» [Агафий 1953, с. 147-148].

⁶ «...Море здесь и весь Босфор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону, выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли Синдов...» [Геродот 1972, с. 194].

⁷ «...Суровость холодов лучше всего обнаруживается в связи с тем, что происходит в устье Меотиды. Морской путь из Пантикалея в Фанагорию становится доступным для повозок...» [Страбон 1964, с. 281].

⁸ «...В этом же году, в начале месяца октября, начались жестокие, суровые морозы... так что море у северного побережья Понта окаменело от холода... и уподобилось морю суше, и ходили пешком по льду от Хазарии и Булгарии и остальных соседних племен люди, дикие и домашние животные» [Чичуров 1980, с. 69].

Аммияна Марцеллина, проходил через степи севернее Азовского моря [Кулаковский 1906, с. 7-8].

Достаточно подробно рассматривает эту легенду Э.Томпсон, собравший и проанализировавший все ее варианты в своей хорошо известной специальной работе, посвященной истории гуннов [Thompson 1999, p. 19-24]. Для него очевидно, что экспансия гуннов в Европу началась с переправы через Боспор Киммерийский и шла, первоначально, через Крымский полуостров. Что касается самой легенды, то ее появление в позднеримской-ранневизантийской литературной традиции он связывает с Эвнапием Сардийцем, который в начале своей работы якобы попытался объяснить происхождение гуннов, о которых ничего не знали древние авторы. Для Э.Томпсона очевидным, а точнее цитируя последнего, он указывает на литературное происхождение данного отрывка, особенно в версии Созомена (444 г.), писавшего о короле, преследуемой оводом и перешедшей пролив. Это, без сомнения, напоминает ему миф об Ио, где содержится описание подобной ситуации¹⁰. Разница заключается лишь в направлении движения преследуемой оводом королевы. Ио бежала с запада на восток, а королева, указавшая путь гуннам, с востока на запад. Э.Томпсон так же отмечает, что наиболее вероятный, на первый взгляд, вариант переправы кочевников в зимнее время по льду не рассматривается ни одним из представителей данной исторической традиции.

Среди отечественных историков наибольшее внимание этой легенде уделила Е.Ч.Скржинская, которая в комментарии № 386 к странице 85 перевода известного произведения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (страница дана по изданию 1997 г.) высказывает ряд идей по поводу объяснения происхождения и исторического значения данной легенды. По ее мнению, рассказ об олене, указавшем на переправу через Керченский пролив, явная сказка, и это понимали практически все авторы V-VI вв. Только Иордан полностью принимает ее на веру и не высказывает никаких сомнений по поводу возможности таких обстоятельств переправы. Именно Иордан и дает наиболее обстоятельный и подробный вариант этой легенды. Как считала Е.Ч.Скржинская, наиболее критическое отношение к этому сообщению высказал Евнапий Сардиец в, к сожалению, несохранившейся части своего труда. Этот вывод делается на основании того, что, по ее мнению, «Евнапий подчеркивает, что, как он заметил, «никто не говорит ничего ясного» о том, откуда и каким образом гунны распространились

¹⁰ Первое издание книги Э.Томпсона было осуществлено в Оксфорде в 1948 г. В настоящей работе использовано полностью идентичное переиздание 1999 г.

¹¹ «...Гера поместила глаза Аргоса на хвост павлина, а на Ио наслала овода, который жалил ее и гнал по всему миру. Сначала Ио [в образе белой коровы - К.] отправилась в Додону и вскоре достигла моря, которое в ее честь стали называть Ионическим. Но здесь она повернула и отправилась на север, к горе Гем, а оттуда, через дельту Дуная, бежала по солнцу весь Понт Эвксинский, переправилась через Босфор Киммерийский ...» [Грейвс 1992, с. 150].

по всей Европе...». В то же время, справедливости ради следует отметить, что в сохранившейся части произведения Евнапия ни слова не сказано ни о нашей легенде, ни о его отношении к ней [Византийские историки 1860, с. 124-125]. В этой связи данное предположение можно рассматривать только как одну из возможных гипотез, объясняющих происхождение интересующего нас отрывка.

Историческое значение данной легенды, как считает Е.Ч.Скржинская, заключается, прежде всего, в указании на место (одно из мест), где совершился переход гуннов на территорию объединения Германариха. В дальнейшем же они продвигались по всем степям за Меотидой, а не только по Таврике. Приведенными выше замечаниями, в целом, и ограничиваются выводы автора.

А.И.Айбабин констатирует сведения авторов, приводящих различные варианты легенды, не прибегая к ее источниковедческому анализу и никак не оценивая достоверность ее информации. Но дальнейшее содержание его работы, связанное с анализом археологических источников, позволяющих говорить о том, что в период нашествия гуннов города Боспорского царства не были разрушены и продолжали свое существование вплоть до последней четверти VI в., а возможно и до второй половины VII в., указывает на то, что он воспринимает эти сведения именно как легенду, а сам скорее согласен с Ю.А.Кулаковским, считавшим, что гунны пришли в Европу переправившись через Дон в его низовьях [Айбабин 1999, с. 56-79]. Подобной точки зрения придерживался и Д.Б.Шелов, который считал, что «...Танаис лежал на основной дороге гуннского передвижения» [Шелов 1972, с. 327].

Следует отметить, что уникальное содержание легенды, объясняющей начало гуннской экспансии в Европу, факт ее повторения, по крайней мере, пятью раннесредневековыми историками, точное указание на место переправы гуннов именно через Боспор Киммерийский, очевидная историческая достоверность дальнейших событий, связанных с разгромом готского объединения Германариха и переселением вестготов к границам Римской империи, а затем и на ее территорию, узкая и достаточно хорошо разработанная хронология и последовательность всех этих событий, требуют как большего внимания со стороны современных исследователей к настоящему сообщению, так и продолжения попыток объяснения происхождения и дальнейшей исторической интерпретации данной легенды.

Во-первых, вызывает интерес поиск истоков этой легенды, причин и среды ее возникновения, а также автора, который первым ввел ее в контекст современных ему историко-географических представлений. Скорее всего, эта легенда появилась не ранее конца IV-начала V вв., и ее происхождение действительно связано с переселением гуннов в Восточную Европу. Вероятно, она сформировалась именно в готской среде и в мифологизированной форме передает нам объяснение причин той трагической для готов военно-политической ситуации, которая привела к их разгрому и бегству в пределы Римской империи. В частности, В.П.Буданова [Буданова 1999, с. 186] высказывает предположение о том, что

одним из зачинателей исторической традиции готов мог быть их предводитель Атанарих, и что «История готов» Кассиодора, легшая в основу труда Иордана, была основана именно на такой готской традиции. Известно, что готы, после их разгрома гуннами, появляются на территории Восточной Римской империи после 376 г. После войны с Константинополем в 378 г., во время которой погиб император Валент, начинается постепенное установление мирных взаимоотношений и готы становятся федератами империи. В 80-е гг. IV в. происходит постепенное примирение до того «непримиримого» и нетерпимого к Империи Атанариха, становится возможной его личная поездка в Константинополь. Информация из готской среды теперь может достаточно свободно проникать в среду римскую. В то же время Аммиан Марцеллин, закончивший свой труд в 390 г. и давший классическое описание первых лет нашествия гуннов на Европу, этой легенды еще не знает. Прямо он не указывает на место проникновения гуннов в Европу, но исходя из общего контекста отрывка, посвященного этому сюжету, большинство исследователей делало вывод о том, что это произошло на нижнем Дону¹¹. В этой связи наиболее вероятным кандидатом на роль зачинателя традиции передачи «нашей» легенды является, видимо, Евнапий Сардиец, закончивший свой труд в 404 г., на что указывали, кстати, и Э. Томпсон и Е. Ч. Скржинская. Он мог быть знаком уже и с готской традицией, и с содержащейся в ней легендой о переправе гуннов. Впрочем, сам Евнапий, похоже, отдавал себе отчет в том, что эти представления могут быть малодостоверными.

Во-вторых, очевидно, требует дальнейшего пояснения описанный в легенде факт бродовой переправы гуннов через столь сложную водную преграду, какой является Керченский пролив (Босфор Киммерийский).

Изучение специальной физико-географической литературы, посвященной геологии берегов и дна Керченского пролива, а также развитию трансгрессии Черного моря в голоцене и, особенно, в последние 2,5 тыс. лет (новочерноморский период), не позволяет сходу сделать однозначный вывод о невозможности или, наоборот, возможности бродовой переправы кочевников-гуннов через пролив в 375 г. без использования каких-либо плавательных средств. Дело в том, что сами геологи и физико-географы высказывают зачастую противоречивые точки зрения на ход и периодизацию черноморской трансгрессии, на развитие процессов осадконакопления в бассейне Керченского пролива. Поэтому, для формулировки неких обобщенных представлений об интересующих нас физико-географических процессах, в настоящей статье были использованы работы разных авторов, имеющих особые точки зрения на данную проблему - это труды Г.Е. Ратманова [Ратманов 1928], В.П. Зенковича [Зенкович 1958], Е.Н. Невесского [Невесский 1967], Г.И. Иванова и В.И. Шмуратко [Иванов, Шмуратко 1982], «Геология

¹¹ «...И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтуингами и обычно называются тамитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха...» [Аммиан Марцеллин 1996, с. 494].

Азовского моря» (К., 1974), одна из последних обобщающих работ, коллективная монография, непосредственно посвященная Керченскому проливу - «Геология шельфа УССР: Керченский пролив» (К., 1981) и ряд других работ.

На основе названной специальной литературы попытаемся далее дать характеристику основных параметров Керченского пролива, определяющих возможность или невозможность бродовой переправы через него. К их числу, как представляется, относятся: расстояние между восточным и западным берегами, минимальные глубины и места их нахождения, состояние и состав донных отложений в местах наиболее вероятных для осуществления бродовой переправы. Как отмечал В.П. Зенкович, «... расстояние между коренными таманскими и керченскими берегами в Керченском проливе 9 км на севере (между мысом Фонарь и корнем косы Чушки) и 15 км на юге (мыс Такил и мыс Панагия). Но пролив сильно сжат двумя крупными косами - Чушкой и Тузлой. Поэтому ширина чистой акватории пролива составляет около 4 км» [Зенкович 1958, с. 192-193]. Следовательно, если предполагать возможность описанной древними авторами бродовой переправы гуннов, то наиболее вероятным местом ее прохождения могла быть часть пролива, сжатая этими косами. Но следует так же отметить, что эти косы представляют собой достаточно неустойчивые и подвижные осадочные образования. Их современное состояние не дает представления о том, как они выглядели в IV веке. Так, Тузлы в этот период, скорее всего, еще вообще не было. В XIV веке она известна как небольшой продолговатый остров, в XVIII в. представляет собой цепочку островов. Сплошной песчаной полосой ее наносят на карту только в 1830 г., но и после этого она неоднократно прорывалась и меняла свою конфигурацию.

Чушка по данным античных авторов существовала (т.е. до начала трансгрессии), на итальянских картах XIV в. ее нет (трансгрессия поглотила ее, видимо, еще в самом начале I-го тыс. н. э.), позже она изображается в виде островов, на карте 1771 г. это уже коса [Геология шельфа 1981, с. 10].

Таким образом, говорить о том, что пролив в IV в. был уже, чем в настоящее время, не представляется возможным, скорее всего его ширина в наиболее узком месте даже превышала современную. Водная преграда шириной около четырех километров являлась очень серьезным препятствием для передвижения кочевников обычным бродовым способом, тем более, что речь в данном случае идет о переправе не только военных отрядов, но и всего народа, со скотом, имуществом, молодняком, детьми и т.д.

Глубина пролива непосредственно связана с общим уровнем Черного моря. В настоящее время в самом узком месте в районе кос Чушка и Тузла она составляет около 4 м [Зенкович 1958, с. 193]. Несмотря на определенные разночтения в периодизации трансгрессий и регрессий, все рассмотренные авторы отмечают, что с I в. н. э. по XIV-XVI вв. происходит постепенное повышение уровня моря. Судя по их данным, уровень моря в IV в. был близок современному. Если же он и был меньше, то не более чем на 1 м. Таким образом, если предположить абсолютную

глубину в проливе равной 3 или даже 2 м, при ширине в 4-5 км, говорить о бродовой переправе через такую водную преграду не представляется возможным.

Что же касается состава донных отложений Керченского пролива, то все названные выше авторы сходятся в том, что они состоят из жидкого ила и грязи, по которой, очевидно, невозможно передвигаться ни людям, ни скоту. Единственным фактором, который мог бы гипотетически вызвать временное обмеление отдельных участков пролива, появление неустойчивых (на несколько недель) банок и отмелей, является деятельность грязевых вулканов. Но выбросы этих вулканов - это опять же жидкая грязь, а расположены они в основном в районе Таманского полуострова, и вряд ли их извержения когда-либо были настолько масштабными, а их результаты настолько устойчивыми, чтобы перегородить весь пролив и сделать возможной пешую переправу. Подобные извержения должны были носить катастрофический характер, а такие явления, как правило, фиксируются в письменных источниках. Но ни данные физико-географических исследований, ни письменная традиция этого времени ничего не сообщают о подобных природных катаклизмах.

Следовательно, несмотря на отсутствие в специальной физико-географической литературе прямых указаний на невозможность бродовой переправы через Керченский пролив в тот или иной исторический период, весь рассмотренный здесь комплекс сведений позволяет говорить о том, что, по крайней мере, в IV в. она все-таки была невозможна. Соответственно, сообщения всех названных выше авторов о подобной переправе, осуществленной гуннами в 375 г. - это, как уже отмечалось выше, только легенда, требующая дополнительной трактовки. В то же время совершенно точно известно, что гунны в это время действительно появились в Приазовье и Северном Причерноморье и напали на готов Германариха.

В этой связи можно попытаться предложить два варианта объяснения информации, содержащейся в легенде. Либо, во-первых, гунны, или точнее какая-то их часть, действительно как-то переправились через Керченский пролив, но конкретные обстоятельства их переправы были неизвестны нашим авторам, и они прибегли к использованию мифопоэтического объяснения этого факта и схоластических ассоциаций (миф об Ио, где фигурирует корова, преследуемая оводом и переправившаяся через пролив, само название Бычий Брод, которое предполагало возможность бродовой переправы по крайней мере в период возникновения такого названия в VII в. до н. э., т.е. в период регрессии Черного моря и т.д.). Здесь, если предположить, что такая переправа все же имела место, наиболее вероятной представляется переправа по льду в зимнее время, которая действительно могла сопровождаться определенным набором случайностей и «чужесных» обстоятельств, как-то погоня за оленем и т.д. Вполне возможно так же, что для переправы гунны или какая-то их небольшая часть воспользовались боспорским флотом, что косвенно подтверждается доказанным А.И.Айбабиным археологическим фактом сохранения жизни и экономики в городах и поселениях Боспора во время и после гуннского нашествия¹² [Айбабин 1999, с. 79]. Исполь-

зование других способов переправы, известных кочевникам (бурдюки, соломенные плоты и т.д.), в описанных условиях пролива представляется маловероятным. Но, отметим еще раз, что ни один из указанных возможных способов переправы не нашел отражения в источниках.

Во-вторых, можно предложить следующее объяснение. Вероятно, в процессе формулировки интересующего нас сообщения произошла какая-то ошибка, скорее всего географическая aberrация и, вследствие незнания конкретного места переправы, наши авторы повторяют, один за другим не задумываясь, одну и ту же ошибку. Источником этой ошибки для большинства авторов явился, по видимому, труд Евнапия Сардийца, в несохранившейся части которого, по мнению Э.Томпсона и Е.Ч.Скржинской, содержались подробные версии происхождения гуннов и появления их в Европе, в том числе и наша легенда.

Евнапий писал: «Так как никто не может сказать ничего определенного о том, откуда вышли уны, где они находились и как прошли всю Европу и оттеснили скифское племя, то я в начале этого сочинения изложил сведения, заимствованные из древних писателей, сопоставляя по правдоподобным соображениям, а современные известия, взвешивая с точностью» [Латышев 1948, № 3, с. 273].

Видимо, с одним из вариантов этой легенды был знаком Еремий Созомен (444 г.), версия которого больше связана с литературной античной традицией, напрямую восходит к мифу об Ио и несколько отличается от данных других авторов. Затем легенду воспроизводит Зосим (450 г.), в основу произведения которого, скорее всего, и лег труд Евнапия Сардийца. Вариант легенды с участием оленя (лани), вероятно, в большей степени связан с готской средой и готской эпической традицией. Далее, возможно, в несохранившейся части своего произведения, на которую позже ссылается Иордан, о «нашей» легенде скорее всего писал современник Атилы Приск Панийский (середина V в.). После него и, вероятно, на основе его же произведения этими данными мог воспользоваться Кассиодор, а вслед за ним Иордан (551 г.). Далее хронологически следует Прокопий Кесарийский (554 г.), работавший почти в одно время с Иорданом и, вероятно, пользовавшийся независимо от него теми же источниками. Последним в этой череде авторов следует назвать Агафия Миренейского (после 554 г., но до 582 г.), который высказал достаточно скептическое отношение к легенде, но по традиции привел ее в своем сочинении.

Яснее всего искаженный характер географических представлений легенды проявился в попытке Зосима логически объяснить возможность переправы через керченский пролив: «...Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаиса, дал им [гуннам] возможность перейти сухим путем из Азии в Европу» [Латышев 1948, № 4, с. 283].

¹² А.И.Айбабин пишет по этому поводу: «...Города и поселения восточной части Европейского Боспора и сама столица не пострадали ни во время гуннского вторжения на полуостров, ни после захвата ими крымской степи и примыкавшего к Феодосии региона. Общепринятое мнение о разрушении после 376 г. городских кварталов на горе Митридат опровергают материалы из раскопанного там верхнего слоя...» [Айбабин 1999, с. 79].

Мысль о том, что моря постепенно мелеют, наполняясь речными осадками достаточно характерна для античных географических представлений. Наиболее четко она была сформулирована учеником Аристотеля Стратоном Физиком в конце III в. до н. э. [Дитмар 1980, с. 119] - это, видимо, один из источников логических построений Зосима. Представления же о том, что устье Дона (Танаиса) соответствует устью Меотиды (Керченскому проливу), мы находим в «Объезде Эвксинского Понта» Арриана (II в. н. э.) и в одноименном Перипле безымянного автора - Псевдоарриана (V в. н. э.). Арриан пишет: «...Она (Танаис) вытекает из Меотидского озера и впадает в море Эвксинского Понта» [Латышев 1948, № 1, с. 272]. Псевдоарриан вторит ему: «...Эта река Танаис, говорят, отделяет от Азии Европу и вытекает из озера Меотиды, а впадает в море Эвксинского Понта...». Или «...впадает же он двумя рукавами в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор...» [Латышев 1948, № 4, с. 257].

Как видно из приведенных цитат, в рамках этой географической традиции устье Танаиса и устье Меотиды часто рассматриваются как равнозначные и взаимозаменяемые географические объекты и термины. Следовательно, видимо и без того туманное сообщение устной готской традиции о том, что гунны переправились через низовья (устье) Танаиса и после этого вместе с покоренными аланами танаитами напали на готов (вспомним посвященное этому событию сообщение Аммиана Марцеллина), трансформировалось в легенду о том, что гунны перешли устье Меотиды, т.е. Керченский пролив. Эта географическая абберрация вошла в традицию, и под ее влиянием оказались не только перечисленные позднеримские - ранневизантийские авторы, но и современные историки (В.Ф. Гайдукевич, Э. Томпсон, А.Л. Якобсон и т.д.), считавшие, что основным местом проникновения гуннов в Европу был Боспор Киммерийский и Крым. Вероятно, что гораздо ближе к истине был Ю.А. Кулаковский, писавший еще в 1906 г. о том, что «не подлежит никакому сомнению, что главная масса гуннов двигалась на запад через степи, не отклоняясь к югу от общего направления своего пути» [Кулаковский 1906, с. 53].

Таким образом, на основе проведенного в данной работе источниковедческого и историко-географического анализа можно констатировать, что: 1) настоящее сообщение действительно является легендой сложного происхождения, вобравшей в себя античные литературные и мифопоэтические традиции (Ио), а также готские мифические и эпические представления (волшебный олень) о гуннском нашествии; 2) впервые ввел в обиход эту легенду историк конца IV - начала V вв. Евнапий Сардиец; 3) через Керченский пролив гунны вброд в 375 г. не переправлялись, это было невозможно, исходя из физико-географических условий того времени; 4) указание на Боспор Киммерийский как на место переправы гуннов является результатом географической абберрации наших авторов, что особенно очевидно в версии Зосима, смешавших в одно и представлявших в качестве единого географического объекта устье Танаиса

(Дона) и устье Меотиды (Керченский пролив)¹³; 5) на самом деле гунны переправились через низовья Дона и оттуда начали свою экспансию против готов Германариха, о чем и пишет современник этих событий Аммиан Марцеллин.

ЛИТЕРАТУРА

- Абгунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.
 Агафий. О царствовании Юстиниана. М.: Л., 1953.
 Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
 Аммиан Марцеллин. Римская история / Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Соиня. СПб., 1996.
 Беренбейм Д.Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. 1959. Т.4.
 Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. Изд. 2-е. СПб., 1999.
 Византийские историки: Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Каллид, Ноннос и Феофан Византиец / Перевод Спиридона Дестуница, примечания Гавриила Дестуница. СПб., 1860.
 Визе В.Ю. Историческое прошлое наносных образований в Керченском проливе, в особенности косы Тузлы // Известия центрального гидрометеорологического бюро. 1927. Вып. 7.
 Геология Азовского моря. К., 1974.
 Геология шельфа УССР. Керченский пролив / Шнюков Е.Ф., Аленкин В.М., Путь А.Д. и др. К., 1981.
 Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л., 1972.
 Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992.
 Дитмар А.Б. География в античное время: очерки развития физико-географических идей. М., 1980.
 Зенкович В.П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958.
 Зубарев В.Г., Масленников А.А. Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемеему // СА. 1987. №3.
 Иванов Г.И., Шмуратко В.И. Об особенностях колебаний уровня Черного моря в послеледниковое время // Водные ресурсы. 1982. №3.
 Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. статья, перевод и коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.
 Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. К., 1906.
 Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. №№1-4.
 Невеский Е.Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М., 1967.
 Прокотий из Кесарии. Война с готами / Перевод С.П. Кондратьева, вступ. статья З.В. Удальцовой. М., 1950.
 Страбон. География в 17 книгах / Перевод, статья и коммент. Г.А. Стратановского. Л., 1964.
 Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
 Шелов Д.Б. Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
 Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
 Thompson E.A. The Huns. Oxford, 1999.
¹³ Интересно, в этой связи, следующее сообщение Прокотия Кесарийского: «Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Эвксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой» [Прокотий Кесарийский 1950, с. 384].

TORTIKA A. A.

ON THE PROBLEM OF HISTORIC INTERPRETATION OF THE LEGEND
ABOUT THE HUNS CROSSING THE BOSPORUS CIMMERIAN

Summary

On the basis of source-studying and history-geographic analysis made in this article we can verify the following:

1) it is indeed a legend of a complex origin that absorbed ancient literary and mythological poetic traditions (lo) as well as Gothic mythical and epic representation (magic deer) of the Huns' invasion;

2) Eunapius of Sardica, a historian of the end of the 4th – the beginning of the 5th centuries, was the first who introduced this legend;

3) the Huns did not cross the Strait of Kerch by ford in 375 as it was absolutely impossible because of physical-geographical conditions of that period;

4) the indication to Bosphorus Cimmerian as the place of the Huns' crossing was the result of geographic aberration of our authors, which is obvious in the version of Zosimus, who mistook as a single geographic object the mouth of the Tanais (the Don) and the mouth of the Meotide (the Strait of Kerch);

5) as a matter of fact the Huns crossed the lowlands of the Don and began their expansion against the Goths of Hermannarich, and that is what Ammianus Marcellinus, a contemporary to these events, writes about.

It is interesting to note that the information of Procopius Caesarean: "The local people call the mouth, which begins from the Meotide marsh Tanais and stretches, as they say, for twenty days, and flows into the Pont – Euxin, and even the wind that blows here is called Tanait" [Procopius Caesarean 1950, P. 384].

С. Б. СОРОЧАН

«CARCERIS HABITATORES»?
ПОЛОЖЕНИЕ ХЕРСОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX в.

В свое время Д.Л.Талис небезосновательно полагал, что, опираясь на Херсон, Византия стремилась проводить политику монополюющей торговли на Черном море [Талис, л. 6]. Во всяком случае, империя действительно торговала через него с обширным хинтерландом херсонского порта, не вступая в опасные прямые контакты. Причем удерживать Херсон и прилегающие области - климаты на положении буферного владения Византия могла не только военным давлением, но и материальной помощью, поставкой продовольствия и других товаров. Дело в том, что город в силу сложившихся обстоятельств вновь, как и до второй половины VII столетия, вновь попал в экономическую зависимость от империи. Ответ на вопрос, когда и вследствие чего это произошло и каково было на самом деле положение херсонитов, заставляет обратиться к комплексному анализу политического и хозяйственного развития города после создания на землях Таврики византийской фемы.

Латинская версия «Жития и перенесения мощей св. Климента», переработанная к началу XII в. материалы гораздо более раннего сочинения второй половины IX в., повествует, как Константину Философу, оказавшемуся в Херсоне в связи с имперской политико-религиозной миссией, жители его округи - «пришельцы из разных народов, а не местные уроженцы» - говорили, что место, где находились мощи папы Климента и его храм, заброшены, разрушены «...вследствие многих нападений варваров», а «...большая часть области (страны) этой почти покинута и сделалась необитаемой» (et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita) [Vita cum Translatione S. Clementis 1911, p. 143, § 2; Житие и перенесение мощей св. Климента 1912, с. 216; Житие Иоанна Готского 1912, с. 388, прим. 1]. Буквально то же самое сообщали сам Константин Философ и епископ Митрофан Смирнский в рассказах Анастасию библиотекарю, вспоминая об «увеличивающихся толпах язычников со всех сторон» (crescente circumquaque multitudine paganorum) и о «свирепых разбойниках» (valde saevi latrunculi), оказавшихся в числе живших «подле того места» (sed quod omnes accolae loci illius utpote) [Epistolae Anastasii 1911, p. 141, § 2-3]. Разрушенные в конце VIII - IX в. и уже не восстановленные храмы обнаружены во время археологических исследований на Керченском полуострове [Гадло 1980, с. 137-140]. Следы разгрома прослеживаются и в Юго-Западном Крыму. Так, в низовьях р. Бельбек (в Поворот-